

Полей зеленые равнины,
Фабричных труб стоят вершины,
Из них ползет лениво дым
А вот каналы и сады,
Домов красивые ряды
И солнце светит вдалеке...
Ефим спешит... худую клячу,
Зажав огромный кнут в руке,
Торопит... злится. Кляча скачет
Но толку мало... все далеко
До города... Ах поскорей!
Хотяб одним, одним лишь оком,
Увидеть новых бы людей.
Но вот бугры... вот скрылось поле
Пошли овраги да кусты,
Не видно труб фабричных боле,
Домов высоких красоты...
И вдруг с размаху, вниз, в овраг
С конем и с ним повозка—бах!
Летит Ефим и все стемнело...
И было шесть часов утра:
Пришла усталая сестра,
Найдя остывшее уж тело...

Э п и л о г.

Ушел из жазни навсегда
Ефим без видного следа.
Никто из стойкого гранита
Ему громадный монумент
Не возведет... Ефима нет
И жизнь его как-бы забыта.
И только, те, кто с ним когда-то
Потели вместе в мастерской
Порою вспомнят: „Эх, ребята,
Ведь славный малый был какой!
Что-б он сказал на жизнь-то глядя,
Я—чай,—наверно был бы рад
Как все у нас пошло-то ладно,
И все как надо, в аккурат!
Да... вспомнишь—жалко, жалко
знаешь...

Хороший, славный был товарищ!“
Товарищи мне тоже жаль
Без время сгибшего Ефима
Его лишь вспомню—и печаль
Нахлынет вдруг неудержимо
Тяжело весною волной,
И станешь прямо как больной.
Но разве-ж он погиб бесследно?
Но разве мозг его и кровь
Не слышны в поступи победной